

УДК 911.2:333.32(470)

А.Г. Махрова¹, О.Ю. Голубчиков²

РОССИЙСКИЙ ГОРОД В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА: СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНУТРИГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Проанализированы процессы трансформации социально-пространственной структуры российского города в условиях перехода к капиталистическим отношениям. На примере Москвы и ряда других городов рассмотрены тенденции формирования связи между стратификацией общества по доходам и усилением социальных контрастов в системе расселения и морфологии города, проявление этнической сегрегации, а также роль доминирующей модели городской политики в отношении трансформации городской среды. Оценен вклад пространственной составляющей в рост социальных противоречий в российском городе.

Ключевые слова: социально-пространственное неравенство, сегрегация, город, джентрификация, городская политика, Москва.

Введение. Изучение факторов и закономерностей трансформации пространственной структуры постсоветского города отправляет исследователя-урбаниста к концепциям общественного развития и эпистемологии А. Лефевра, Д. Харвея, М. Кастеллса, Э. Соджи и других авторов, указывающих на то, что морфология, динамика и проблематика города одновременно отражают и служат активными факторами установления и воспроизводства господствующих общественных отношений, а как следствие источником социальных конфликтов [13, 15, 17, 20]. Действительно, с окончанием социалистического этапа развития появились новые тренды в развитии российского города. Одно из наиболее серьезных изменений касается социально-пространственной стратификации расселения, которая отражает расслоение общества по уровню доходов. Несмотря на то что особенности пространственной структуры советского города в виде сглаженных внутригородских различий и социально однородного расселения в качестве фактора унаследованного развития продолжают определять специфику трансформации города, поступательное уменьшение роли этого фактора при отсутствии сдерживающей политики будет сопровождаться усугублением социального напряжения.

Постановка проблемы. Проанализированы трансформация и социально-пространственная стратификация в городах России и их связь с идеологией и практикой городской политики, а также с новыми общественными отношениями, культивируемыми на постсоветском пространстве. Поскольку принципы и процессы трансформации наиболее ярко проявляются

в столичных регионах, распространяясь затем на всю иерархию городов, особый акцент был сделан на опыте Москвы и сравнении столичного мегаполиса с другими российскими городами.

Материалы и методы. В статье обобщены результаты наиболее представительных работ, проводимых российскими учеными, а также авторами статьи по изучению социально-пространственной трансформации городов России, включая совместные исследования в Московском регионе в 2008—2011 гг. Методика этих исследований основана на использовании разнообразных качественных методов социально-географических исследований. К первичным источникам информации отнесены социологические опросы и интервью с жителями столицы, глубинные интервью-беседы с представителями административных структур, а также гражданского, бизнес- и академического сообщества, в которых выявлялись не только “объективные” процессы изменения градостроительных и социальных параметров городской среды и их движущие силы, но и субъективные ощущения, то, как понимают изменения разные социальные фракции³. К вторичным источникам информации относились статистические данные, материалы СМИ, нормативные, градостроительные и другие официальные документы разного уровня, а также материалы социологических и аналитических исследований, выполненных другими авторами.

Обсуждение результатов. *Социальные контрасты в расселении населения: опыт Москвы.* Пространственная проекция увеличения дифференциации доходов

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, вед. науч. с., e-mail: almah@mail.ru

² Бирмингемский университет, факультет географии и наук о Земле и окружающей среде, доцент, e-mail: o.golubchikov@bham.ac.uk

³ При написании статьи авторы использовали результаты проведенных ими 60 глубинных интервью с экспертами аналитических центров, девелоперами, консультантами по недвижимости, представителями гражданского общества и сотрудниками министерств и ведомств РФ, Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга, а также 25 глубинных интервью с настоящими и бывшими жителями центра Москвы. Кроме того, обобщены данные социологического опроса, в проведении которого принимал участие один из авторов статьи в конце 2009 — начале 2010 г. Объем выборки составил 775 человек, проживающих в 107 районах Москвы. Анкета включала 42 вопроса, направленных на исследование предпочтений населения на рынке жилья, выявление престижности разных районов города, социальной мобильности различных групп населения, а также доступности жилья в столице.

населения, которая достигла особенно большого размера в Москве⁴, заключается в росте социальных контрастов в расселении, что связано с увеличением зависимости между уровнем благосостояния населения и престижностью района проживания. Понятие престижного района появилось в современной жизни сравнительно недавно, хотя социальные контрасты на территории Москвы имеют давние корни и известны еще с дореволюционных времен. В советской реальности такого термина не было, несмотря на реальное существование городской “географии престижа”. В начале XXI в., как и в советское время, наиболее престижное и дорогое жилье сосредоточено в центре и западных районах Москвы, а наиболее дешевое — на окраинах города, особенно на “пролетарских” юго-востоке, востоке и юге. Как показывает мониторинг цен по административным округам столицы, общие различия между центром и периферией, а также западом и востоком достаточно устойчивы (таблица).

По мере формирования современной географии престижности усиливается ценовой отрыв центра, что связано с так называемой джентрификацией. В Москве, как и в других современных городах, этот процесс проявляется уже не просто в тенденции на рынке жилья в виде реконструкции старого жилищного фонда под запросы более состоятельных людей, как это происходило раньше [14]. Сегодня джентрификация — это глобальная тенденция классовой переделки пространства, часть общей стратегии по привлечению в город капитала, включающей появление новых объектов и мест, ориентированных на более обеспеченные слои общества [16, 19]. Эти процессы ведут к росту цен и вытеснению людей со скромным достатком из став-

ших дорогими районов центра, а также к одновременному вытеснению доступных жилья и услуг [8, 12].

Как показывают исследования, это приводит к тому, что в центральных районах Москвы происходит изменение социального состава проживающих за счет постепенного, но поступательного оттока представителей менее состоятельных слоев населения [2]. Одновременно те из них, которые продолжают жить в престижных районах, лишены доступа ко многим благам, которыми пользуются привилегированные слои (престижные жилища, школы, клубы, магазины и т.п.), они становятся “невидимыми” в этих кварталах, практически не влияя на динамику социальной жизни [11].

С точки зрения джентрификации в Москве наиболее известна так называемая золотая миля — территория между улицей Остоженка и Пречистенской набережной. Формирование ее имиджа как самой элитной и однородной части города произошло не только из-за положения в центре, но во многом благодаря усилиям девелоперов, которые с конца 1990-х гг. начали агрессивную маркетинговую кампанию, и потворству им (если не целенаправленной политики) городских властей [12].

Из-за дефицита земли в центре новая недвижимость элитного уровня появляется и в других районах, особенно в субцентральных, что приводит к расширению ментальных границ престижного центра [18]. Формирование новых элитных районов наблюдается и в более удаленных от центра частях столицы, прежде всего на западе и в меньшей степени на севере, которые становятся районами проживания среднего класса. Как правило, ядрами таких районов являются

Динамика средней удельной цены квадратного метра на вторичном рынке жилья по административным округам Москвы, в % к среднему по городу

Административные округа	Декабрь 1995 г.	Декабрь 1998 г.	Декабрь 1999 г.	Декабрь 2005 г.	Июнь 2007 г.	Июнь 2008 г.	Июнь 2011 г.
Центральный	119,1 (1)*	126,4 (1)	130,9 (1)	134,6 (1)	144,8 (1)	143,6 (1)	147,5 (1)
Северо-Западный	95,5 (4)	97,6 (5)	97,7 (4)	86,7 (6)	90,7 (5-6)	84,9 (7)	91,8 (5)
Западный	114,1 (2)	113,7 (2)	114,5 (2)	108,3 (2)	106,9 (2)	106,1 (2)	105,7 (2)
Юго-Западный	105,5 (3)	111,8 (3)	110,2 (3)	97,4 (3)	100,3 (3)	96,4 (3)	94,8 (4)
Южный	85,7 (7)	91,1 (7)	82,8 (8)	85,3 (7)	86,8 (7)	86,3 (6)	86,8 (7)
Юго-Восточный	72,9 (9)	80,7 (9)	75,8 (9)	79,4 (9)	81,9 (9)	81,8 (9)	84,0 (8)
Восточный	82,5 (8)	91,8 (6)	85,8 (6)	85,1 (8)	85,0 (8)	84,8 (8)	82,7 (9)
Северо-Восточный	90,2 (5)	100,4 (4)	97,4 (5)	89,8 (5)	90,7 (5-6)	89,1 (5)	89,0 (6)
Северный	86,9 (6)	90,3 (8)	84,8 (7)	92,6 (4)	94,6 (4)	92,2 (4)	96,5 (3)
Москва в целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* В скобках — место, занимаемое округом в ценовом рейтинге.

⁴ В Москве по состоянию на 2009 г. коэффициент фондов (соотношение среднего дохода 10% самых богатых жителей к доходу 10% беднейших) достиг 32,9 против 19,7 в Санкт-Петербурге и 16,7 по стране в целом.

старые престижные кварталы, вокруг которых возводится новое жилье с повышенными потребительскими характеристиками, офисно-деловые и торговые центры. Над усилением представлений об их привлекательности активно работают девелоперы, в том числе используя в рамках рекламных кампаний такие слоганы, как “Это твой адрес!”, “Это твой район!”

Восточные и южные округа столицы в последнее время все четче позиционируются как непрестижные окраины с маргинальным населением, причем их привлекательность сильно снижается тем, что они становятся местом концентрации мигрантов, в том числе этнических, прежде всего из Средней Азии и Закавказья. Мониторинг общественного мнения показывает, что наплыв мигрантов, особенно выходцев с Кавказа и из южных регионов, занимает третье место в рейтинге основных проблем, беспокоящих москвичей [9]. Однако в настоящее время в столице пока не образовались этнически гомогенные крупные кварталы. Согласно исследованиям О.И. Вендиной, ни один из них не достиг “точки кипения”, когда становится практически неизбежной пространственная поляризация этнических групп [3].

Рост социальной стратификации можно оценить и через дифференциацию районов Москвы по ценам на жилье: в течение 2000-х гг. разница в стоимости жилья между самым дорогим (Арбат) и самым дешевым районами (Молжаниновский) достигла 4 раз. Существование заметных социальных контрастов в расселении отмечают и москвичи. Как показал проведенный авторами социологический опрос, 77% опрошенных считают, что контрасты есть, причем 42% уверены, что они очень заметны. Кроме того, 70% респондентов предполагают, что контрасты в расселении будут усиливаться. Тем не менее растущее социальное расслоение в качестве недостатка своего района назвали только около 14% опрошенных, т.е. эта проблема пока не стала осознанной. Это подтверждают и социологические опросы, проведенные сотрудниками Левада-центра; согласно их данным резкое расслоение на богатых и бедных попадает только во вторую десятку проблем, более всего волнующих москвичей [9]. Подавляющая часть опрошенных нейтрально (62%) или хорошо (30%) оценивают свой район. Это может быть связано с общей престижностью проживания в Москве, местным патриотизмом, а также с тем, что большинство респондентов учитывают не только символическую престижность, но и объективные характеристики своих районов (развитость инфраструктуры, наличие парков и др.).

Жилищная стратификация населения: Москва на фоне других городов России. Сравнение степени социально-пространственной поляризации расселения в Москве и других городах страны, даже наиболее близ-

ких к столице по потенциалу и/или динамике развития, показывает, что в остальных городских центрах эти процессы выражены меньше.

Так, исследования, проведенные в Санкт-Петербурге, позволяют сделать вывод, что в нем, в отличие от Москвы, еще не произошло полноценной элитизации⁵ центра или, наоборот, маргинализации на уровне крупных кварталов [1]. Элитизация здесь происходит в близких к центру районах, например, на соседних Крестовском и Каменном островах, которые изначально характеризовались меньшей плотностью “джентрифицируемой” теперь застройки. Девелоперы пытаются “раскручивать” закрытые элитные поселки в еще более удаленных районах города. Примером служит дворцово-коттеджный поселок “Северный Версаль” в устье р. Лахта, который, согласно видеорекламе на сайте застройщика “создан для удовольствий избранных представителей рода человеческого”.

Примерно так же как в Санкт-Петербурге, эти процессы выражены в Екатеринбурге, где есть свои непрестижные периферийные районы и районы для среднего класса, а элитное жилье, как и в обеих столицах, расположено в центре и на западе. Хотя власти и представители большого бизнеса в двух других крупнейших городах Урала (Челябинск и Пермь) предпринимают шаги по реконструкции исторического центра и развитию престижных районов, однородные районы там еще пока не сформированы [5]. Как и в других крупнейших городах страны, например, в Казани, Иркутске, Ростове-на-Дону, новые элитные дома здесь могут соседствовать с деревянными одно- и двухэтажными домами [6, 18]. Тем не менее опыт этих же городов свидетельствует, что такое соседство не всегда комфортно для жителей менее престижных построек, которые оказываются объектом притеснения со стороны девелоперов и властей, стремящихся освободить городское пространство для богатых. Например, в Иркутске, как и в Казани, деревянные строения, в том числе имеющие историческое значение, часто уничтожают с помощью поджога, что уже привело к утрате определенных пластов культурного наследия. В целом все эти явления позволяют сделать вывод о нарастающей во многих городах страны (вслед за Москвой) тенденции к социальной поляризации между городскими кварталами, хотя и в гораздо меньшей степени.

Если оценивать этническую сегрегацию населения, то ситуация, складывающаяся в Москве и в других городах, имеет больше сходства между собой. В крупнейших и экономически успешных городах менее привлекательные жилые районы испытывают две усиливающие друг друга тенденции в виде оттока среднего класса и притока трудовых мигрантов. Однако, несмотря на мигрантофобию в российском обществе

⁵ Под элитизацией авторы понимают джентрификацию и подобные процессы направленной трансформации определенных городских территорий в сторону их большей социальной однородности, когда происходит формирование престижного статуса кварталов и нарастает относительная доля жилья, которую участники рынка недвижимости относят к так называемому элитному (при одновременном вытеснении менее обеспеченных слоев населения из этих кварталов).

и опасения по поводу возможного возникновения этнических гетто, сколько-нибудь выраженные этнически однородные крупные кварталы в российских городах фактически пока не сформировались [1, 2].

Характеризуя процессы трансформации городского пространства и социальной пространственной поляризации во внутригородском расселении, следует иметь в виду, что они свойственны только экономически успешным городам, которые привлекательны для инвестиций и мигрантов. В остальных городских центрах наблюдается нарастающая деградация городского пространства в целом. Скудость собственных бюджетов и внешних инвестиций приводит к тому, что денег нет даже на поддержание сложившейся инфраструктуры и городской среды. Такие депрессивные города, испытывая нарастающую депопуляцию, начинают “сжиматься”, истончая городское пространство не только одного места, но всей страны.

В целом произошедшие изменения свидетельствуют о постепенном переходе от модели равномерного расселения населения, типичной для социалистического города, к социальной пространственной стратификации. Однако, несмотря на активную динамику в этом направлении, анклавы социальной сегрегации носят пока точечный характер (особенно в отношении сегрегации бедного населения). Даже для Москвы все еще характерны сильная дисперсия социальных слоев и расплывчатые социальные границы внутри городского пространства [7]. Этому способствует и традиция проживания большинства населения страны в многоквартирных домах, которые пока более устойчивы к поляризации, чем в некоторых западных странах. Вместе с тем слабость института управления многоквартирным жильем и разрушение отлаженной советской системы ЖКХ и централизованного управления этим фондом жилья ведет к увеличению его аварийности, а в отдельных случаях и к “трущобизации” (что схоже с тем, что происходит, например, во Франции, Великобритании и других странах в результате приватизации многоквартирного социального жилья и сокращения бюджетных расходов в жилищном секторе с 1970-х гг.).

Несмотря на то что в настоящее время процессы социальной сегментации городского пространства пока не столь остры, в будущем они могут привести к весьма негативным социальным последствиям, включая “геттоизацию” отдельных городских районов, что чревато социальными взрывами, преодоление которых, как показывает опыт развитых и развивающихся стран, потребует больших средств и времени.

Роль городской политики: акторы и результаты. В Москве, как в других столицах посткоммунистических стран, катализатором трансформации внутригородского пространства и сдвигов в расселении горожан становятся различные правительственные программы, связанные прежде всего с реконструкцией пятиэтажного жилого фонда, выводом промышленных предприятий и строительством нового жилья [8]. При этом

городские власти действуют в тандеме с крупным бизнесом, что укладывается в рамки элитарной модели городской политики, когда социальный инжиниринг властной элиты, направленный на изменение городского пространства, часто отражает их амбиции и представления.

Особая, часто личная “философия” развития города, типичная для правящей элиты, проявляется не только в разрушении ветхих зданий и целых кварталов старой Москвы, но и в реализации грандиозных проектов под эгидой известных модных архитекторов и их заказчиков. В столице бренд “лужковская Москва”, связанный с творениями скульптора З. Церетели и таких девелоперских компаний, как ИНТЕКО, ДОНстрой или МИРАКС, сменяется брендом “Москва Собянина”. Символом последней стал масштабный проект увеличения современной территории города почти в 2,5 раза, уже прозванный Новой Москвой, который предусматривает революционную трансформацию пространственной структуры города. Одновременно с этим озвучено изменение приоритетов жилищной политики — переход к малоэтажному строительству и создание цивилизованного пригорода, видимо, по типу американской субурбии, что предполагает строительство закрытых коттеджных поселков, рост социальной сегрегации и нарастание экологической ресурсоемкости городской среды.

При этом во всех российских городах, особенно в Москве, где сконцентрирована финансовая элита страны, выработка и принятие наиболее важных решений о развитии городского пространства происходят келейно, за закрытыми дверями кабинетов, что совсем не соответствует принципам плюрализма. Например, как отметил в личной беседе один из известных московских градостроителей, “от нас не ждут обоснования принятия решений, от нас ждут их выполнения”.

Вместе с тем в современном российском обществе уже созданы институты, которые предусматривают обязательное участие населения в выработке и принятии градостроительной политики, что в принципе означает переход к плюралистской городской политике. Действительно, важные решения об изменении городского пространства должны обсуждаться в ходе публичных слушаний, существует и возможность контролировать исполнение принятых решений, но власти всех уровней научились преодолевать и это. Так, даже после отмены президентом Д.А. Медведевым строительства в Санкт-Петербурге одиозного офисного небоскреба Газпрома “Охта-центр”, компания-застройщик, несмотря на сопротивление общественности, смогла быстро пройти все необходимые процедуры и получить разрешение профильного комитета мэрии города на отклонение от высотного регламента. Разрешенная высота нового здания (уже названного “Лахта-центр” и расположенного в новом месте на расстоянии 9 км от центра, недалеко от упомянутого “Северного Версаля”), составляет 450 м при допустимой высоте 27 м.

Пример этого и других скандальных проектов отражает растущую активность населения страны, но вместе с тем характеризует слабость гражданского общества и его неспособность в полной мере влиять на развитие своего города. Как и жители других стран, россияне активнее всего противятся строительству, которое задевает территорию их непосредственного проживания, это проявление так называемого синдрома NIMBY (Not in My Back Yard). При этом у москвичей, как и у жителей других крупных российских городов, не меньшее отчуждение вызывает политика властей, проводимая по изменению городской среды в целом, особенно в центре. В столице ее вектор был задан еще в середине 1990-х гг., когда один из чиновников московского правительства озвучил главный принцип городской политики: “Москва для богатых”, неоднократно публично повторенный руководителями крупных московских девелоперских компаний. Местные власти действуют совместно с представителями крупного бизнеса в стремлении получить максимальную выгоду от использования городской земли и всего, что на ней возведено. Под застройку коммерческим жильем отданы самые лучшие площадки, а практически все жилье по городскому заказу строится на окраинах.

В российской практике в целом нет привычного для европейских, канадских и даже американских городов противодействия проявлениям социальной сегрегации, рассуждений о социальной или пространственной справедливости при принятии и проведении решений, влияющих на судьбу города и городских сообществ, как нет и собственно политики, направленной на создание условий для перемешивания разных социальных групп (social mix) и снижения накала социального неравенства в целом. Можно отметить, что социальная сегрегация вообще не рассматривается как отдельная проблема, а массмедиа и представители элиты преподносят ее в качестве неизбежного (естественного) атрибута современного общества, при этом часто ссылаются на опыт развитых стран, хотя там городская политика активно направлена на обратное. Более того, в российском обществе разделение рассматривается в качестве способа минимизации контактов и избежания конфликтов между различными социальными или этническими группами [3, с. 37].

Даже реализация программы сноса пятиэтажных домов, способной улучшить качество городской среды, фактически велась в интересах столичного строительного комплекса, обеспечивая “свои” компании новыми участками под застройку. К хрущевкам и советским панельным многоэтажкам в обществе давно сложилось довольно негативное отношение, поэтому в столице протестов против их сноса не было, при этом масштабная модернизация пятиэтажек, как, например, в быв. ГДР, не рассматривалась всерьез как альтернатива сносу.

В Москве, в отличие от большинства других городов страны, в постсоветский период построено свыше 30% всего существующего жилищного фонда (66,7 из 215,5 млн м²)⁶. Несмотря на значительный объем строительства, новая застройка, в отличие от хрущевки, не только не решила жилищный вопрос, но, напротив, создала менее гуманную городскую среду. Выведя город на одно из первых мест в мире по плотности населения (более 10,5 тыс. человек на 1 км²), агрессивная застройка буквально свела на нет идею публичного пространства между жилыми домами. Многие новые дома и их комплексы построены как “золотые” гетто, с системой усиленной охраны и ограниченным доступом на придомовую территорию, что выхолащивает суть социальной жизни города и уничтожает атмосферу улицы [10].

Массированное наступление на публичное пространство и его коммерциализация происходят также в результате застройки привокзальных площадей и других открытых пространств торговыми и офисными центрами, “обкусывания” зеленых зон, перевода городских парков на самокупаемость и т.д. Главный вклад в сжатие публичного пространства вносят все же не торгово-развлекательные центры, которые, несмотря на высокий уровень цен, хотя бы открыты для всех, а замкнутые привилегированные жилые кварталы, возникающие практически во всех сколько-нибудь успешных городах страны. Как пишет О.И. Вендина об Остоженке (и что можно распространить на престижные районы в других городах): “...de jure этот кусочек центра Москвы не является приватизированным, но de facto он присвоен очень небольшой группой богатых людей” [3, с. 38].

В результате пространство современного российского города по сравнению с советским стало гораздо более индивидуалистическим, что в целом ведет к разобщенности на всех уровнях — между отдельными кварталами и районами, между центром и окраинами, между мегаполисом и городами-спутниками. Фактически проводимая городская политика означает переход от модели “городского менеджизма”, ориентированного на создание общего благополучия и перераспределения благ, к модели “городского антрепренерства”, направленной на рост конкурентоспособности города и привлечение инвестиций, в том числе в ущерб интересам широких слоев горожан. Такая погоня за прибылью и выкачка денег из градостроительных проектов напоминают американскую “машину роста”, однако, в отличие от нее, взаимоотношения представителей крупного бизнеса и власти характеризуются краткосрочностью, а девелоперов практически не интересует судьба города за пределами срока окупаемости их проекта [4]. Реалии таковы, что смена городских властей означает и смену застройщиков, девелоперов, связанных с новой властью.

⁶ Данные Госкомстата РФ о вводе жилья на территории г. Москва за 1991—2010 гг. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi> (дата обращения 26.08.2011).

Заключение. Переход к рынку и развитию в условиях глобализации приводит к унификации тенденций развития пространственной структуры городов, сближая морфологию постсоциалистического и традиционного капиталистического города. К признакам таких процессов относятся изменение схем расселения и усиление социальных контрастов. Процессы социальной пространственной поляризации проявляются как тренд в большинстве российских городов, при этом Москва — несомненный лидер по темпу, глубине и результатам этих трансформационных процессов. Однако общие тенденции проявляются на фоне сохранения специфических свойств, присущих постсоциалистическому городу как типу, в виде отступающей, но еще стойкой модели социально однородного расселения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов К.Э. Социальная сегрегация пространств личной деятельности в посттрансформационном метрополисе (на примере Санкт-Петербурга) // Изв. РГО. 2009. Т. 141, вып. 1. С. 9—20.
2. Вендина О.И. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? // Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 3. М., 2005.
3. Вендина О.И. Частное и общественное в городском пространстве: от теории к московским реалиям // Изв. РАН. Сер. геогр. 2009. № 2. С. 28—38.
4. Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г., Фелпс Н.А. Современные процессы урбанизации в Подмоскowie: феномен “окраинного города” // Архитектура и строительство. 2010. № 3. С. 63—68.
5. Зотова М.В. Столицы Урала: одна или три // Изв. РАН. Сер. геогр. 2007. № 4. С. 76—85.
6. Дружинин А.Г. Пространственное развитие города-миллионера: тенденции постсоветского периода. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008.
7. Махрова А.Г., Ноздрин Н.Н. Дифференциация на рынке жилья в Москве как проявление социального расслоения населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2002. № 3. С. 44—50.
8. Махрова А.Г., Татаринцева А.А. Развитие процессов джентрификации и реконструкция городской среды центра Москвы в постсоветский период // Региональные исследования. 2006. № 3 (9). С. 28—42.

За счет значительно меньшего времени действия (20 лет по сравнению с семидесятилетним советским периодом) социальная сегрегация пока выражена гораздо меньше. Большее беспокойство вызывает сложившаяся конфигурация отношений между властью, бизнесом и населением: она такова, что социальная сегрегация не стала ни предметом политического обсуждения, ни одним из приоритетных направлений городской политики. Указанное означает, что в перспективе эти процессы будут усиливаться со всеми сомнительными социальными последствиями, а российские города будут утрачивать свои социальные преимущества, унаследованные от предшествующего периода развития.

9. Пресс-выпуски мониторинга общественного мнения Левада-центра. 2008—2010. URL: <http://www.levada.ru/press/2010021703.html> (дата обращения 17.02.2010).
10. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
11. Трущенко О.Е. Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995.
12. Badyina A., Golubchikov O. Gentrification in Central Moscow — a market process or a deliberate policy? Money, power and people in housing regeneration in Ostozhenka // Geografiska Ann. 2005. Bd. 87, N 2. P. 113—129.
13. Castells M. The Rise of the network society. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 1996.
14. Glass R. London: Aspects of change. L.: Macgibbon a Kee, 1964.
15. Harvey D. Social justice and the city. L.: Edward Arnold, 1973.
16. Lees L., Slater T., Wyly E. Gentrification. L.: Routledge, 2007.
17. Lefebvre H. The production of space. Oxford: Blackwell, 1991.
18. Makhrova A. Changing housing markets in russian cities: case study of Moscow, St. Petersburg and Kazan // Geogr. Rund. Intern. Ed. 2007. Vol. 3, N 1. P. 28—35.
19. Smith N. The new urban frontier: Gentrification and the revanchist city. N.Y.: Routledge, 1996.
20. Soja N. Seeking spatial justice. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010.

Поступила в редакцию
29.08.2011

A.G. Makhrova, O.Yu. Golubchikov

RUSSIAN TOWN UNDER CAPITALISM: SOCIAL TRANSFORMATION OF INTRAURBAN SPACE

Transformation of social spatial structure of Russian towns under transition to capitalistic relationships is analyzed. The examples of Moscow and other towns illustrate the trends in formation of correlations between income stratification of the society and increasing social contrasts in the system of settling and urban morphology. Ethnic segregation and the role of predominant model of urban policy in transformation of the urban environment are also discussed. Contribution of the spatial component to the growth of social contradictions in Russian towns is estimated.

Key words: social spatial inequality, segregation, town, gentrification, urban policy, Moscow.